

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

Кто будет делать грязную работу?

Гибсон Тони

1952

Гибсон Тони

Кто будет делать грязную работу?

1952

Пер. с англ. В. Садовского по: Gibson T. *Who Will Do the Dirty Work? // Why Work? Arguments for the Leisure Society* / Ed. V. Richards. London: Freedom Press, 1983. P. 108–114; впервые опубл. в 1952 г.).

ru.anarchistlibraries.net

Каждый, кто говорит об анархизме, неизменно сталкивается с вопросом: «Но кто же при анархическом устройстве общества будет чистить коллекторы?» У этого вопроса есть вариации: порой интересуются теми, кто будет заниматься самой тяжёлой работой или самой грязной, но особенно часто упоминается канализация. Может показаться, что всякий желает быть уверенным, что в свободном обществе ему не придётся работать ассенизатором. Возможно, капиталистическое и авторитарное статус-кво держится на апатичной поддержке, обусловленной тем, что лишь небольшая часть рабочего класса экономически принуждена работать на чистке коллекторов. Сам я с работниками канализации не контактировал; может быть, поскольку их никогда не пугали этой страшилкой про грязную работу, они и не опасаются грядущей социальной революции, в конце концов, они и так работают в коллекторах.

Множество лет я избегал этого навязчивого вопроса, общаясь с аудиториями, так как убеждён, что истинным мотивом, его вызывающим, должны заниматься психоаналитики, способные рассказать нам довольно многое о коренящемся в подсознании страхе перед канализацией. Я, как и все, чувствую смущение, когда мне грозит опасность обнаружить чей-то излюбленный невроз. Однако теперь я готов заняться этим вопросом, тут, в печати, словно бы он был вполне разумным.

Прежде чем рассмотреть, кто же в свободном обществе действительно будет чистить коллекторы и делать другую работу, традиционно считающуюся «грязной», давайте сначала посмотрим, кто занимается ей сейчас. Также давайте исследуем природу «грязной работы». К людям, которые занимаются «грязной работой», относят ассенизаторов, мусорщиков, хирургов, домохозяек, работников боен, больничных медсестёр, юристов, солдат, фермеров, политиков, кожевников, бульварных журналистов и т. д. и т. п. Первое принципиальное разделение нам следует провести между теми, кто может смыть грязь, оставшуюся от их работы, в конце своего рабочего дня, и теми, кто не может. Не все придерживаются одного и того же мнения о том, какую работу считать грязной. Запахи канализации или кожевенной фабрики вызовут отвращение у одних, в то время как других оттолкнут вещи, которыми занимается хирург, медсестра или забойщик скота; иные же предпочтут заниматься чем-то из перечисленного, лишь бы не соприкасаться с мерзостью из сферы деятельности юриста, политика или «жёлтого» журналиста. Наши вкусы разнятся.

Примечательно, что одни из столь разных занятий оплачиваются высоко, а другие — низко. В нашем озабоченном

их-то придётся заставлять делать свою работу, даже при анархии!» А вы готовы спуститься и прочистить эти коллекторы ради блага Общества, мадам? Нет? Тогда, мадам, вам придётся ходить на двор. Или, быть может, вы обнаружите, что есть множество людей, не столь брезгливых как вы, способных получать удовольствие, да, удовольствие, занимаясь трудными заданиями, и они будут больше вас заинтересованы в эффективном, гигиеничном и полезном избавлении от нечистот. Они, возможно, даже вернут их вам в форме заботливо выращенных овощей.

ших умах не будет отпечатана эта картина, невозможно и думать в рамках практической анархии.

Анархистские авторы досконально проанализировали тот факт, что лишь небольшой процент населения в этой стране занят в производстве чего-то действительно полезного или осуществляет хоть какую-то общественно-полезную функцию, несмотря на широкое распространение вокруг нас отрицательной активности. Для нас, следовательно, очевидная дезорганизация нашей промышленности отнюдь не станет бедствием. Нам нужен слом существующей индустриальной системы; нам нужна революция и настоящая анархия, при которой мы сможем переустроить наши производственные процессы, когда рабочие будут управлять своим трудом, будучи мотивированы своей собственной потребностью в работе, а вовсе не необходимостью получать конверты с зарплатой.

Наихудшим бедствием, которое может нас постигнуть после слома капитализма, будет замена экономического принуждения политическим. Мы уже чувствуем, что это только первая ласточка. Те рабочие, которые больше не находятся на грани нищеты, иногда предпочитают не работать. И поскольку экономическая дубинка не может их запугать, Государство прибегает к политической дубинке, возбуждая уголовные дела. Как ещё вы заставите людей работать? Либо у индивида должно быть право работать или не работать, а Общество способно вынести такое, либо Общество должно сохранять свою машину принуждения — Государство. Анархизм основан на признании того факта, что обретя свободу, люди предпочтут работать.

«Но конечно, некоторые рабочие, занятые в отраслях жизнеобеспечения — чистке канализаций, к примеру —

деньгами общество это образует важное различие, однако, вероятно, социальный престиж, связываемый с работой, для многих людей значит даже больше. Очень многие мужчины, скорее, будут горбатиться на малооплачиваемой работе клерка без всякой надежды роста, чем займутся более здоровым и вышеоплачиваемым трудом докера. Многие девушки будут работать по десять часов в день, таская судна и перевязывая раны, но не станут официантками в баре. Вопросы оплаты и «загрязнённости» работы не всегда перевешивают соображения общественного престижа (часто называемого снобизмом).

Недолгое время я зарабатывал на жизнь уборкой улиц Кардиффа; однажды на каком-то интеллектуальном собрании одна леди спросила меня, кем я работаю. Я ответил. Возможно, она была права, подумав, что я был намеренно груб, поведав ей правду. Если бы я хотел показать себя в выгодном свете и не травмировать её, я бы туманно намекнул, что работаю на важной должности на благо муниципалитета.

С интересом я прочитал о сдвиге социального престижа, касающегося работы, в недавно организованном государстве Израиль. Там, благодаря специфической природе иммигрантов, существует большой переизбыток профессионалов. Юристы, врачи, профессора, архитекторы и т. п. Слишком многочисленны и большинство из них не могут прожить благодаря своим навыкам, однако существует большой спрос на каменщиков, землекопов, сельскохозяйственных рабочих и т. п. Поэтому ручной труд ценится высоко и невостребованные профессионалы берутся за него, но серьёзный сдвиг в значимости состоит в том, что теперь профессии, пачкающие ваши руки, оказываются одобряемыми обществом в Израиле, по контрасту с обще-

ственным презрением, которому подвергаются эти работы в других капиталистических странах. Несомненно, если капитализм в Израиле сохранится, эта ситуация ухудшится, приблизившись к положению в большинстве других стран, но пока она продолжается — это интересная демонстрация того, как быстро может поменяться отношение общества к «грязной работе».

То и дело отмечалось, что в разумно организованном обществе не будет проблемы с реально грязной, отталкивающей и унижающей обычного человека работой. Такие действия, как сбор мусора, удаление нечистот, сортировка лохмотьев, работа кочегаром и т. п., являются неприятными операциями в современном обществе только потому, что у людей, занятых ими, нет полномочий изменить условия своего труда. Если бы они не были бессильными и эксплуатируемыми созданиями, должны соглашаться с отвратительными и неприятными условиями работы, как это происходит сегодня, эти операции стали бы приоритетом для наилучших научных исследований и технических навыков, применяющихся к ним для того, чтобы сделать их не просто приемлемыми в качестве занятий, но и приятными. Ведь ключ к социальной гармонии лежит в отношении людей к их работе. Я бы определил свободное общество (то есть общество здоровое) как то, в котором нет социального принуждения, заставляющего индивида работать.

Такое определение анархии может вызвать существенные протесты некоторых анархистов, но я высказываю его в самом буквальном смысле. На первый взгляд такая идея выглядит совершенно нереалистичной, кажется, что тем, у кого есть некоторый жизненный опыт, её следует отбросить как глупый идеализм. Позвольте мне отделить

«благодетели», опасные дураки, готовые взять на себя ответственность за устройство жизней других.

Я стремлюсь обратить особое внимание на антиобщественную природу добросовестных администраторов. Все мы в курсе пагубной природы сознательных эксплуататоров и рэкетиров при так называемом свободнорыночном капитализме, однако именно проповедники плановой экономики и сверхправительства являются предвестниками голода, войны и разорения в будущем.

Если в результате революционного слома капиталистического общества исчезнет принуждение ходить на привычное место зарплатного рабства, тогда у этих дезориентированных людей появится шанс заняться производством для удовлетворения своих собственных потребностей в работе. Сложность проблемы заключается в том, чтобы определить, к каким скрытым стимулам или способам принуждения к работе следует прибегать, чтобы удовлетворить требования потребителей. Но мы склонны забывать, что для человека производить столь же естественно, как и потреблять. В любом обществе, где производители материальных ценностей не подвергаются принуждению, требования потребителей должны соответствовать тому, что естественно производить этому обществу, при этом каждый взрослый является как производителем, так и потребителем. Я понимаю, вот это-то и нелегко осознать многим, поскольку мы привыкли думать, что в обществе существует класс «рабочих», чья функция заключается в том, чтобы делать то, что велено. Если «потребители» желают телевизоры, военные корабли, кокаколу и уголь, то «рабочие» не должны перечить, они должны их производить. Настала пора попытаться представить себе общество без принуждения рабочего потребителем, ибо пока в на-

действовать на их текущих работах, была бы разрушена, на её месте возникло бы следующее. Освободилось бы большое количество людей, но они оказались бы дезориентированы и немедленно пришли к выводу: «Теперь надо жульничать и жить ради себя — работают только глупцы!» Вот чего следует ожидать. Одомашненная Мурка, впервые потерявшись в лесу, оглядывается по сторонам в поисках другого дома, чтобы притереться к нему; она далеко не сразу начинает действовать в природной кошачьей манере. Именно такой ситуации опасаются больше всего революционеры, они стремятся установить авторитарный механизм, чтобы заменить политическое принуждение экономическим принуждением капитализма. Политическое принуждение не всегда легко применить в производственных процессах; при диктатуре Ленина от него в целом отказались в пользу экономического принуждения нэпа. Однако если ради того, чтобы люди продолжали работать, после краха капитализма всё ещё приходится прибегать к принуждению, то отношение «жульничай и живи» сохранится как постоянная социальная установка.

Проблема кроется не в «вере» в природу человека, проблема в понимании. Можно либо осознавать, что люди — это социальные животные со здоровыми в основе своей животными инстинктами самосохранения, либо нет. Те, кто не осознаёт потенциальную животную жизнеспособность своего вида, — как правило, идеалисты, имеющие весьма идеализированные представления о Человеке и считающие аксиомой, что Тома, Дика и Гарри нужно дубиной заставлять работать, есть, спать, заниматься любовью с жёнами и чистить зубы должным образом, а то иначе они умрут от незнания того, каким Человеку следует быть. Том, Дик и Гарри — не всегда прелестные создания, однако они куда более лучшие представители общества, чем

себя от всех форм идеализма. У меня был практический опыт отношений с идеалистами, так сильно верившими и любившими «Человека», что они бы предпочли быть эксплуатируемыми со стороны ленивых тунеядцев, чем признать факт своей бессмысленной поддержки паразитов. Но я также хотел бы прояснить, что ни в одном сообществе людей, большом или малом, где социально необходимые работы осуществляются только из чувства долга перед обществом, возложенного на индивида, нет ни свободы, ни стабильности, ни здоровья. Единственным оправданием работы может быть лишь факт получения удовольствия от неё. Любое общество, полагающееся на политическое, экономическое или моральное принуждение в качестве движущей силы для своих производственных процессов, обречено быть нездоровым и в той или иной форме рабским.

Работу можно определить как расходование энергии в ходе производственного процесса, в отличие от игры, при которой энергия тратится без продуктивного результата. Работа характерна для здорового взрослого человека, а игра — для здорового ребёнка, чья энергия употребляется на развитие собственных способностей. Весьма существенно, что игра у человеческих детёныш, как и у других млекопитающих, как правило, представляет собой повторение рабочих занятий взрослых.

Обычно всеми признаётся, что работа является необходимостью для каждого совершеннолетнего. Те люди, у которых в силу их благосостояния нет экономических причин работать, должны в целях сохранения своего физического и ментального здоровья искать замену работы. Они могут так и остаться вечными детьми, играя в рыбалку, охоту, походы на лодках, садоводство и огородничество.

ство, и часто находят удовлетворение в довольно активной работе-игре. Низшие млекопитающие не отличаются от людей, им тоже, став взрослыми, нужно работать. Будучи не столь озабоченными интеллектуальными сомнениями, они придерживаются своих занятий с искренним удовольствием. При изучении существ более простых, чем мы, не может возникнуть сомнений касательно того, от чего они получают удовольствие: выдра любит ловить рыбу, бобр — строить плотины, белка — собирать орехи, кролик — рыть норы. Некоторые могут указать на своих домашних Мурок, «испорченных тысячью лет неестественной жизни», предпочитающих не ловить мышей в погребе, а лакать молоко у камина, и проводят аналогию с современным человеком, утверждая, что тот стал неестественным животным, которому нужен пинок, чтобы он начал работать. В этой распространённой аналогии содержится биологическая ошибка. Ни Мурке, ни вам, ни мне нет тысячи лет: в плане инстинктов мы не обусловлены опытом наших предков. Мы одарены определёнными инстинктами, в сущности, оставшимися такими же, как и при возникновении наших видов, а наше поведение обусловлено окружающей средой, с которой мы сталкиваемся на протяжении нашей собственной жизни. Верните избалованную Мурку в лес, и она возвратится к естественному для кошачьих образу жизни; уберите от себя и меня давление невротической цивилизации XX века, и у нас появится шанс вернуться к естественному человеческому образу жизни, который, я утверждаю, спонтанно включает в себя желание работать и удовольствие от работы как образа жизни, свойственное любым другим видам животных. В настоящее время многие из цивилизованных представителей нашего вида оказываются уникальными в животном царстве в силу того, что в их производственном процессе не выражена радость жизни. Положение даже ещё хуже: мы воспринимаем как

должное, что все животные получают удовольствие от процесса размножения, но среди многих в нашем виде даже эта функция утратила свою прелест.

Должны ли мы заглянуть ещё глубже в поисках корней всей социальной дисгармонии и личных несчастий нашего времени? В нашем случае работа обычно считается печальной необходимостью, деятельностью, которую следует терпеть лишь ради производимых материальных товаров или, скорее, ради заработной платы, которая не очевидно связана с выполненной работой. Самое лучшее, что могут предложить реформисты, социальные планировщики и даже социальные революционеры, это новое сокращение рабочего дня, так, чтобы в нашей жизни было меньше страдания (работы) и больше удовольствия (праздности). Мне даже приходилось слышать, как на анархистском собрании обсуждался вопрос: должно ли у нас в великом и славном будущем быть три рабочих часа в день или же в неделю. Это определённо похоже на нижеследующий отрывок из американского пособия по сексу:

«Вопрос: Как долго пенис должен оставаться в вагине?
Ответ: Лишь несколько минут». Ещё одна печальная необходимость!

Меня не волнует, если в анархическом обществе мы будем работать гораздо дольше, чем сейчас, при капитализме. Меня беспокоит, будет ли работа приносить истинное удовлетворение. По моему мнению, достичь этого нельзя иначе, как отказавшись от принуждения как движущей силы в производстве.

Очевидно, что если зарплатная система, являющаяся главной принуждающей силой, заставляющей сейчас лю-